

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Илья Александрович КАЧКОВ¹
Наталья Викторовна ПРАЩЕРУК²

УДК 82(091)

ЧЕРНОВИКИ В. Ф. ОДОЕВСКОГО КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ РОМАНА «РУССКИЕ НОЧИ»

¹ магистрант второго года обучения
департамента «Филологический факультет»,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург)
ilyakachkov@mail.ru

² доктор филологических наук, профессор
кафедры русской и зарубежной литературы,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург)
pnv1108@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4407-5293

Аннотация

В статье исследуются архивные документы — черновики, письма и трактаты В. Ф. Одоевского, связанные по своему содержанию с его романом «Русские ночи» и написанные как до, так и после его публикации. Показывается, что В. Ф. Одоевский не только предварял написание романа созданием отдельных статей, но также в своих многочисленных записях, лишь частично опубликованных спустя

Цитирование: Качков И. А. Черновики В. Ф. Одоевского как ключ к пониманию романа «Русские ночи» / И. А. Качков, Н. В. Пращерук // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2019. Том 5. № 4 (20). С. 64-74. DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-4-64-74

сто лет после его смерти, давал объяснения относительно содержания и формы своего произведения. Реконструкция этих объяснений помогает осмыслить «Русские ночи» как феномен в единстве его проблемно-ценностной и художественной сторон. Целью исследования стал анализ архивных материалов, которые могли бы служить основой такой реконструкции. Осмысление целого ряда ключевых идей романа «Русские ночи» осуществлялось в соотнесении с теми ответами и оценками, которые находились в рукописях В. Ф. Одоевского. Они касались проблемы влияния немецкой философии на настроения общества той эпохи, а также взаимодействия науки, искусства, веры и любви. В своих черновиках В. Ф. Одоевский подробнее раскрывал природу общественного организма и отношений России и Запада, искал точное определение скептицизма и сам анализировал образ Фауста. В статье показано, как все эти архивные документы дополняют друг друга, образуя единую систему. При таком подходе сам роман «Русские ночи» становится лишь одним из элементов системы, и это приводит к общему выводу о том, что без поиска и изучения остальных элементов исследование философско-художественного мышления В. Ф. Одоевского становится менее продуктивным.

Ключевые слова

В. Ф. Одоевский, «Русские ночи», черновики, диалоги, немецкая философия, скептицизм, Фауст, искусство, наука, организм.

DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-4-64-74

Введение

Книга В. Ф. Одоевского «Русские ночи» (1844) оставила критикам и читателям немало вопросов. Странности отмечал еще В. Г. Белинский. Он сравнил «Русские ночи» с «Серапионовыми братьями» Гофмана, но заметил, что у Одоевского связь между вставными новеллами и ночными разговорами главных героев получилась не совсем естественной [1, с. 119]. И в то же время В. Г. Белинский отдал должное содержанию романа, уделив особое внимание эпилогу и высказанным там идеям. Более того, критик даже говорит о том, что из бесед главных героев могли бы получиться целые статьи — и что В. Ф. Одоевский вполне мог бы выбрать для них именно такую форму [1].

Обратившись к архиву В. Ф. Одоевского в Российской национальной библиотеке, мы выяснили, что автор пытался дать ответы на вопросы о том, как складывалась форма произведения, а также о взаимодействии науки, искусства, веры и любви, об отношениях России и Запада, о личности Фауста и о смысле скептицизма. Проблема в том, что многие ответы так и остались в письмах и черновиках писателя — и частично были опубликованы относительно недавно. Только с помощью этих источников возможно реконструировать замысел «Русских ночей» и увидеть, как высказанные идеи дополняют друг друга, переходя из одного текста в другой. Мы даже готовы высказать предположение, что все эти тексты являются отражением особой философской системы В. Ф. Одоев-

ского, о которой писал В. В. Зеньковский, утверждавший, что «сама тенденция к систематичности стоит у него вне сомнения»¹ [2, с. 144].

Вот некоторые из этих текстов:

1. «Русские ночи, или О необходимости новой науки и нового искусства» (другой вариант названия: «Русские ночи, или Опыт о необходимости и возможности новой науки и нового искусства») — эта работа не была закончена, существуют лишь черновики. Относится к 1830-м гг.
2. «Элементы народные» — набросок, связанный с некоторыми идеями «Русских ночей», особенно ярко представленными в эпилоге. Дата точно не установлена, хотя известно, что эпилог был написан в 1830-х гг.
3. «Наука инстинкта. Ответ Рожалину» — фрагменты, относящиеся к 1843 г.
4. «Психологические заметки» — были изданы в 1843 г. в журнале «Современник».
5. Письмо А. А. Краевскому — октябрь 1844 г. В этом письме В. Ф. Одоевский отвечает на критику В. Г. Белинского.
6. «Русские письма» — цикл, который в 1847 г. планировался как продолжение «Русских ночей», однако закончен так и не был. Остались лишь черновики письма Волкову и переписка Ростислава.
7. «Организм» — набросок, написанный после «Русских ночей», в котором автор желает пояснить связь между отдельным организмом и целым обществом.
8. «Примечание к „Русским ночам“» — было написано в начале 1860-х гг., когда В. Ф. Одоевский планировал переиздание своей книги и вносил правки в исходный текст.

Уже на основании этого списка можно сделать вывод, что автор не только вел серьезную подготовительную работу перед созданием романа, но и продолжал развивать отдельные идеи уже после публикации произведения.

Основная часть

В 1860-х гг. В. Ф. Одоевский дал четкий ответ относительно предполагаемой связи «Русских ночей» с произведением Гофмана и заметил, что подобные упреки его не беспокоят: «...еще не было на свете сочинителя от мала до велика, в котором бы волею или неволею не отозвались бы чужая мысль, чужое слово, чужой прием и проч. <...>...Никакая мысль не родится без участия в этом зарождении другой предшествующей мысли, своей или чужой; иначе сочинитель должен бы отказаться от способности и принимать впечатление прочитанного или виденного, т. е. отказаться от права чувствовать и, следственно жить» [8, л. 1]. Можно заметить, что по сути В. Ф. Одоевский пишет об интертекстуальной

¹ Важно отметить, что разные исследователи творчества В. Ф. Одоевского могут занимать совершенно противоположные позиции во взглядах на его философию. Если В. В. Зеньковский утверждает тенденцию к систематичности, то Ю. В. Манн пишет о вражде В. Ф. Одоевского к философскому систематизму [5, с. 171]. Мы будем придерживаться первой позиции.

связи между произведениями, хоть и не развивает далее эту мысль. Затем он добавляет, что вообще не мог подражать Гофману, поскольку в те годы книг немецкого романтика, в частности «Серрапионовых братьев», еще нельзя было найти в наших книжных лавках [8, л. 2].

В. Ф. Одоевский и сам предполагал, что форма его романа окажется непривычной для читателей. Он сомневался, смогут ли они увидеть в структуре романа живой организм, и уже заранее был готов к критике [15, с. 20]. Однако его опасения никак не повлияли на решение издать роман именно в таком виде, а это значит, что он преследовал более важную цель, чем просто признание со стороны широкого круга читателей.

Один из вопросов формы — непривычное построение диалогов между главными героями. Традиционное для прозы оформление прямой речи персонажей здесь является скорее исключением из правил — гораздо чаще можно встретить череду реплик с редкими ремарками, что свойственно драматическим жанрам. При этом автор часто совершает своеобразный интермедиаальный скачок: начинает диалог героев, используя прозаическое оформление, после чего без какого-либо специального перехода продолжает его уже в драматической форме. Яркий пример таких резких скачков можно найти в самом начале Ночи шестой [9, с. 76].

Здесь В. Ф. Одоевский опирался на две жанровые традиции. Во-первых, это античный театр, а во-вторых — диалоги Платона. В театре В. Ф. Одоевского привлекала роль хора, позволявшего вовлекать зрителей в действие. Понимая, что в полной мере вернуть хор в современную драму уже невозможно, В. Ф. Одоевский настаивает на возвращении на сцену хоть какого-нибудь «адвоката со стороны зрителей» [8, л. 4], т. е. ему нужен образ, близкий зрителю по идеологии и соответствующий понятиям его времени — персонифицированный глас народа.

Диалоги Платона, как пишет сам В. Ф. Одоевский, возбуждали не только философский интерес — писателя интересовали судьбы тех идей, которые последовательно вводились в диалогах мыслителя [8, л. 6]. Эти судьбы были по-своему драматичны, ведь, подобно героям драмы, философские идеи лишались своей власти над умами народа и по-своему погибали.

Мы видим еще одно подтверждение тому, что форма «Русских ночей» не заимствована у Гофмана. Перед нами диалоги как персонифицированная борьба идей, выраженная в драматической форме (кстати, в письме Краевскому В. Ф. Одоевский называет свою книгу «психологической драмой» [14, с. 453]). И еще одним доказательством этому служит трактат «Русские ночи, или О необходимости новой науки и нового искусства», который открывается чрезвычайно значимым суждением дедуктивного характера: «Фауст — наука, Виктор — искусство, Вячеслав — любовь, Владимир — вера, Я — русский скептицизм» [10]. Здесь обозначены две главные исходные установки: во-первых, за каждым персонажем автор хотел закрепить свою доминирующую сферу и, следовательно, свой взгляд на вещи; во-вторых, позицию автора нельзя смешивать с позицией Фауста, она скорее «над схваткой».

В «Примечаниях к „Русским ночам“» В. Ф. Одоевский упоминал одну из своих ранних задумок: исследовать все известные философские системы, найти в каждой из них четкую формулу, персонифицировать и вывести их на сцену в качестве героев драмы, заставив решать одну-единственную загадку — загадку человеческой жизни [8, л. 7]. Задача, по признанию автора, оказалась ему не по силам, но она трансформировалась в то, что получилось в «Русских ночах»: герои романа соответствуют современным В. Ф. Одоевскому направлениям мысли — материализму, шеллингизму, мистицизму. Однако никому из них не дается явного преимущества. Несмотря на доминирование позиции Фауста, этот герой хоть и разрушает позиции других героев, но сам так и не утверждает единственно возможную истину. Дух «русского скептицизма», проникающий в душу каждого из героев, не дает никому из них окончательно утвердиться в своей позиции.

Важно заметить, что Шеллинга В. Ф. Одоевский в своих работах упоминает довольно часто, признавая его вклад в философскую культуру и сильнейшее влияние на настроения эпохи. Воздействие Шеллинга испытал на себе и сам В. Ф. Одоевский еще во времена существования кружка Любомудров, где, как писал А. И. Кошелев, «господствовала немецкая философия, т. е. Кант, Фихте, Шеллинг, Окен, Гёррес и др. Тут мы иногда читали наши философские сочинения; но всего чаще и по большей части беседовали о прочтенных нами творениях немецких Любомудров» [3, с. 12]. Исследователи даже не ставят под сомнение это воздействие. Е. А. Маймин, например, считал, что в философии Шеллинга Любомудров привлекали именно ее поэтические основания [4, с. 251], и это подтверждает фраза В. Ф. Одоевского в «Психологических заметках»: «в наш век наука должна быть поэтической» [9, с. 216]. Однако далее мы дадим немного другую трактовку этим словам.

Идея целостности, гармонии — всё это тоже идет от немецкого идеализма. Возникает вопрос: как эта гармония достигается? В. Ф. Одоевский пытается ответить на него, рассуждая о проблеме взаимодействия науки, искусства, веры и любви — именно об этом говорится в его черновиках, связанных с «Русскими ночами».

В трактате «Русские ночи, или О необходимости новой науки и нового искусства» В. Ф. Одоевский объясняет такое взаимодействие следующим образом: мир, где человек борется с природой и властвует над ней, — это наука. Мир, где человек может отдохнуть от этой борьбы и сменить роль воина или царя на роль творца, — это искусство. Однако для победы в борьбе, наслаждения этой победой и признания творческих заслуг требуется согласие окружающих — и здесь на первом плане оказывается любовь, которая распространяется на всё человечество [9, с. 194].

Здесь есть одна важная деталь. Одоевский пишет о том, что без веры в свои силы человек не сможет ни побеждать природу, ни творить, ни любить [9]. Это даже не религиозная вера, а вера в совершенство человека, которое он сам в себе должен увидеть, прежде чем прикоснуться к этим трем взаимосвязанным сферам — науке, искусству и любви.

Хронологически В. Ф. Одоевский выстраивает появление этих стихий так: до Гомера царствовала наука, после него добавилась поэзия, с появлением христианства пришла любовь, а теперь начинается заря Веры — и сюда он уже вкладывает религиозное значение [9, с. 195]. Появляясь, новая стихия уничтожает прежние, и мир забывает о них, чтобы они могли переродиться в новой форме. Точно так же и Вера должна обновить науку, искусство и любовь [9]. В данном трактате автор разобрал лишь пример новой науки, которая, по его мнению, не должна быть так разделена своими предметами, как сейчас. Какими будут искусство и любовь, мы не знаем, однако можно предположить, что и в них должен появиться определенный синкретизм. В случае с искусством это вполне оправдано стремлением романтиков найти свой *Gesamtenstwerk* — единое, универсальное искусство.

В трактате «Наука инстинкта» эти стихии начинают соотноситься с понятием нравственности: нравственным становится то, что соединяет в себе знание (науку), поэтическую красоту (искусство) и религию (веру) [9, с. 198]. При этом нравственность несводима ни к одному из этих элементов в отдельности — только в их единстве она обретает свою сущность и становится частью нашей жизни.

Из «Психологических заметок» мы узнаем, что человек обладает особым нравственным инстинктом [9, с. 204]. Поскольку сама нравственность объединяет науку, искусство и любовь, то нравственный инстинкт помогает ученому быть поэтом в своей области, а поэту предсказывать будущие открытия. Развивая мысль В. Ф. Одоевского, можно предположить, что в эпоху новой науки и нового искусства нравственный инстинкт должен разрушить стену непонимания и предрассудков между людьми — объединить ученых и поэтов. Именно с этим можно связать мысль о поэтической науке — так выразилось стремление соединить все сферы.

Еще один важный для В. Ф. Одоевского вопрос касается сущности духа времени — в черновиках ему дается несколько иное определение, чем в «Русских ночах»: «естественное развитие той или иной мысли в организме есть, кажется, то, что называют *духом* времени» [9, с. 211].

Вопрос об организме В. Ф. Одоевский хотел пояснить отдельно уже в другом трактате: «Под словом организм я понимаю соединение нескольких определенных начал или стихий (часто также единых организмов), действующих с определенной целью» [6, л. 182.]. Важно отметить, что, как считает В. Ф. Одоевский, каждый народ является самостоятельным организмом. Его элементы формируются жизнью людей — и это формирование длится веками. Однако проблема в том, что у разных народов эти элементы могут так сильно отличаться друг от друга, что «всё, что в одном организме способствует его жизни, то умерщвляет ее в другом» [6]. Доказывая эту мысль, Одоевский приходит к теме противостояния России и Запада и объясняет ее именно этим несовпадением элементов наших организмов: нам не понять друг друга, поскольку мы не можем себе представить существование организма с элементами, отличающимися от наших [6].

Нельзя не заметить, что В. Ф. Одоевский весьма осторожно выражает мысль о России и Западе, он затрагивает проблему именно диалога культур, а не слепого подражания или отрицания. Гораздо смелее он напишет об этом в эпилоге «Русских ночей», дополнив его идеями другого черновика, носящего название «Элементы народные». Именно там В. Ф. Одоевский впервые введет метафору прививки, которую сделал Петр I для России: он, словно садовник, привил ей просвещение искусственно. Однако мысль В. Ф. Одоевского идет еще дальше: если такая прививка прижилась, это значит, что не так уж чуждо ей было такое просвещение — ведь привиться могут только относительно однородные элементы. Более того, это только укрепило Россию, сама же суть ее не поменялась [12, д. 55, л. 203]. Это значит, что Петра I обвиняют совершенно зря. То же положение В. Ф. Одоевский повторил потом и в «Русских ночах» — и уже оно могло послужить причиной критики романа со стороны славянофилов.

Нельзя не заметить, что В. Ф. Одоевский, несмотря на тенденцию романтизма идеализировать прошлое, обращается именно к будущему, видя в нем расцвет, а не упадок. Именно поэтому закономерным становится финал «Русских ночей», где герои приходят к идее, что Россия должна спасти Запад и что «девятнадцатый век принадлежит России» [9, с. 183].

Еще один вопрос, который автор хотел пояснить своим читателям, касался образа Фауста. Трактовку этому герою В. Ф. Одоевский собирался дать в продолжении «Русских ночей» — «Русских письмах», где с самого начала говорилось, что Фауст умер — его время прошло [11, л. 163]. И любопытно, что свою идею сближения общества и организма В. Ф. Одоевский отдает именно Фаусту, сравнивая его деятельность с работой астронома, который положился на опыт предшественников и из-за этого допустил немало ошибок в своих вычислениях. В этом была его трагедия: он хотел удовлетворить потребности настоящего с помощью смелых открытий прошлого. Главная же мысль отрывка заключается в том, что Фауст был переходным явлением: он был необходим, но сейчас необходимость в такой фигуре пропала, его время прошло. Сложно утверждать, что именно в этот момент В. Ф. Одоевский разочаровался в идеализме и мистицизме, но определенный сдвиг в его мировоззрении уже заметен.

Наконец, что такое скептицизм? Отвечая на критику В. Г. Белинского, В. Ф. Одоевский предлагает называть скептицизмом не вечное сомнение и поиск истины, а полное бездействие: «Медик не знает, какое дать лекарство, это незнание имеет следствием то, что он не пропишет никакого рецепта, — вот скептицизм; медик прописал лекарство, но, возвратясь домой, спрашивает себя: то ли он прописал, нет ли чего более лучшего, — делает опыты, вопрошает опыты других — это не скептицизм, но то благородное недовольство, которое есть залог всякого движения вперед» [14, с. 452]. Такая мысль может в значительной мере изменить понимание сути романа, ведь ночные разговоры героев — это тоже бездействие, они стоят на месте, а это значит, что к истине они никогда не приблизятся.

О многих приведенных здесь примерах читатели смогли узнать лишь в 1975 г., когда в серии «Литературные памятники» была предпринята попытка

собрать вместе почти все записи, относящиеся к «Русским ночам», а также реконструировать тот вариант редакции книги, который планировал сам В. Ф. Одоевский в 1860-х гг. Это издание вышло со статьями и примечаниями Е. А. Маймина, но, как нам кажется, впервые опубликованным черновикам было уделено недостаточно внимания — они не воспринимались как необходимые и взаимосвязанные части философской системы. Как написано в примечаниях, это лишь «произведения Одоевского, идеологически и художественно связанные с „Русскими ночами“» [9, с. 280].

К сожалению, даже издание «Литературных памятников» не смогло охватить все необходимые исследователям тексты. До сих пор нигде не опубликована переписка Ростислава, тоже задуманная как продолжение «Русских ночей» и часть «Русских писем». А ведь и в ней автор тоже наметил любопытную форму, создав видимость разрушения «четвертой стены»: сам герой осуществляет рефлексию о «Русских ночах». Первое письмо начинается так: «Наши философские беседы сделались достоянием публики; к добру или к худу? Не знаем, но знаем, что они были искренни» [7, л. 147.]. Далее герой высказывает свое мнение о тех ночных беседах и об их целях, а также говорит о том, что никто не пытался кому-то что-то доказать: это были попытки поднять вечные вопросы, заставить задуматься о значении науки и жизни. Это делалось лишь потому, что, как считает герой, существует боязнь этих тем — боязнь усомниться в чем-то общепринятом [7].

Заключение

Таким образом, наряду с «Русскими ночами» В. Ф. Одоевский создал множество взаимодополняющих текстов, часть из которых либо недостаточно исследована, либо даже не опубликована. Во многом это связано с их фрагментарностью, явной незаконченностью¹ и даже попытками самого автора их уничтожить (множество текстов просто перечеркнуто, что более всего затрудняет их расшифровку). Однако эти статьи и черновики показывают не просто развитие замысла одного произведения, а открывают системность философско-художественного мышления В. Ф. Одоевского, которая не может быть освоена в достаточной степени, если сосредоточить свое внимание исключительно на главном тексте — «Русских ночах».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белинский В. Г. Собрание сочинений: в 9 томах. М.: Художественная литература, 1981. Том 7. Статьи, рецензии и заметки. Декабрь 1843 — август 1845 / ред. Г. А. Соловьев; подгот. текста В. Э. Богграда; статья и примеч. Ю. С. Сорокина. 799 с.

¹ Фрагментарность и незаконченность в данном случае могут являться одним из принципов романтизма [13, с. 461].

2. Зеньковский В. В. История русской философии / В. В. Зеньковский. М.: Академический Проект: Раритет, 2001. 880 с.
3. Кошелев А. И. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812-1883 годы) / А. И. Кошелев. Берлин: В. Behr's Verlag (Е. Вок), 1884. 232 с.
4. Маймин Е. А. Владимир Одоевский и его роман «Русские ночи» / Е. А. Маймин // Одоевский В. Ф. Русские ночи. Л.: Наука, 1975. С. 247-276.
5. Манн Ю. В. Русская философская эстетика / Ю. В. Манн. М.: МАЛП, 1998. 381 с.
6. Одоевский В. Ф. Организм / В. Ф. Одоевский // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 55. Л. 180-182.
7. Одоевский В. Ф. Переписка Ростислава. Письмо 1-е / В. Ф. Одоевский // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 92. Л. 146-147.
8. Одоевский В. Ф. Примечание к «Русским ночам» / В. Ф. Одоевский // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 79. Л. 1-12.
9. Одоевский В. Ф. Русские ночи / изд. подгот. Б. Ф. Егоров, Е. А. Маймин, М. И. Медовой. Л.: Наука, 1975. 316 с.
10. Одоевский В. Ф. Русские ночи, или О необходимости новой науки и нового искусства / В. Ф. Одоевский // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 24. Л. 79.
11. Одоевский В. Ф. Русские письма. Письмо Волкову / В. Ф. Одоевский // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 55. Л. 163-165.
12. Одоевский В. Ф. Элементы народные / В. Ф. Одоевский // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 53. Л. 15, 84; Д. 55. Л. 203.
13. Русская философия: энциклопедия / под общ. ред. М. А. Маслина; сост. П. П. Апрышко, Р. А. Поляков. М.: Алгоритм, 2007. 736 с.
14. Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель / П. Н. Сакулин. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1913. Том 1. Ч. 2. 485 с.
15. Сахаров В. Я. О жизни и творениях В. Ф. Одоевского / В. Я. Сахаров // В. Ф. Одоевский. Сочинения в 2 томах. М.: Художественная литература, 1981. Том 1. Русские ночи, статьи. С. 5-28.

Ilya A. KACHKOV¹
Natalya V. PRASHCHERUK²

UDC 82(091)

**ARCHIVAL DOCUMENTS OF V. F. ODOEVSKY
AS A KEY TO UNDERSTANDING OF THE NOVEL
“RUSSIAN NIGHTS”**

¹ Master Student, Department of Philology,
Ural Federal University named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)
ilyakachkov@mail.ru

² Dr. Sci. (Philol.), Professor,
Department of Russian and Foreign Literature,
Ural Federal University named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)
pnv1108@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4407-5293

Abstract

This article examines the archival documents — letters, drafts, and treaties of V. F. Odoevsky — related to his novel “Russian Nights” and dated around its publication. Odoevsky had not only preceded the writing of his novel in separate articles, but also in his numerous works, providing an insight to the content and form of his work. The reconstruction of these explanations goes together with the understanding and recognition of “Russian Nights” as a phenomenon in the unity of its problems, values, and artistic aspects. This study aims to analyze archival materials that could serve as the basis for such a reconstruction. The comprehension of a number of key concepts from the novel “Russian Nights” was made possible thanks to the connections and assessments revealed in Odoevsky’s manuscripts. They centered around the influence of German philosophy on the mood of society during that era, as well as the interaction of science, art, faith, and love. In his drafts, Odoevsky revealed in detail the nature of the social issues and relations between Russia and the West. He searched for an exact definition of skepticism and independently analyzed the image of Faust. This article shows how the collection of these archival documents

Citation: Kachkov I. A., Prashcheruk N. V. 2019. “Archival Documents of V. F. Odoevsky as a Key to Understanding of the Novel ‘Russian Nights’”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 5, no 4 (20), pp. 64-74.
DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-4-64-74

complement each other, forming a single system. With this approach, the novel “Russian Nights” becomes just one of the elements of this system, leading to the general conclusion that without compiling and studying the rest of these elements, the pursuit for understanding the philosophical and artistic ideology of Odoevsky turns practically impossible.

Keywords

V. F. Odoevsky, Russian Nights, drafts, dialogues, German philosophy, skepticism, Faust, art, science, organism.

DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-4-64-74

REFERENCES

1. Belinsky V. G. 1981. Collected Essays in 9 vols. Vol. 7. Articles, Reviews, and Notes. December 1843 — August 1845. Edited by G. A. Solovyov and V. E. Bograd; notes by Yu. S. Sorokin. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. [In Russian]
2. Zenkovsky, V. V. 2001. The History of Russian Philosophy. Moscow: Akademicheskyy proyekt: Raritet. [In Russian]
3. Koshelev A. I. 1884. Notes by Alexander Koshelev (1812-1883). Berlin: B. Behr's Verlag (E. Bock). [In Russian]
4. Maimin E. A. 1975. “Vladimir Odoevsky and his novel ‘Russian Nights’”. In: Odoevsky V. F. Russian Nights, pp. 247–276. Leningrad: Nauka. [In Russian]
5. Mann Yu. V. 1998. Russian Philosophical Aesthetics. Moscow: MALP. [In Russian]
6. Odoevsky V. F. “Organism”. Manuscripts Department of the Russian National Library. F. 539. Op. 1. D. 55. L. 180-182. [In Russian]
7. Odoevsky V. F. “The correspondence of Rostislav. Letter 1”. Manuscripts Department of the Russian National Library. F. 539. Op. 1. D. 92. L. 146-147. [In Russian]
8. Odoevsky V. F. “Notes to the ‘Russian Nights’”. Manuscripts Department of the Russian National Library. F. 539. Op. 1. D. 79. L. 1-12. [In Russian]
9. Odoevsky V. F. 1975. Russian Nights. Edited by B. F. Egorov, E. A. Maimin, and M. I. Medovaya. Leningrad: Nauka. [In Russian]
10. Odoevsky V. F. “Russian Nights, or the need for new science and new art”. Manuscripts Department of the Russian National Library. F. 539. Op. 1. D. 24. L. 79. [In Russian]
11. Odoevsky V. F. “Russian letters. Letter to Volkov”. Manuscripts Department of the Russian National Library. F. 539. Op. 1. D. 55. L. 163-165. [In Russian]
12. Odoevsky V. F. “Folk Elements”. Manuscripts Department of the Russian National Library. F. 539. Op. 1. D. 53. L. 15, 84; D. 55. L. 203. [In Russian]
13. Maslin M. A., Apyshko P. P., Polyakov R. A. (eds.). 2007. Russian Philosophy: Encyclopedia. Moscow: Algoritm. [In Russian]
14. Sakulin P. N. 1913. From The History of Russian Idealism. Prince V. F. Odoevsky. Thinker-Writer. Vol. 1, part 2. Moscow: Isdatelstvo M. i S. Sabashnikovyh. [In Russian]
15. Saharov V. Ya. 1981. “About the life and works of V. F. Odoevsky”. In: Odoevsky V. F. Works. Russian Nights, Articles in 2 vols. Vol. 1, pp. 5–28. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. [In Russian]